

Л. И. Аксельрод (Ортодокс)

Курс лекций по историческому материализму, Лекция 5, «Красная новь», 1923, № 7 (17), стр. 168-184.

Аналогический метод в социологии.

Лекция V.

Итак, общество сходствует с организмом. Восстановим теперь для целостности общего представления главные моменты этого сходства и различия. Пунктов сходства, которые утверждают Спенсером, четыре. Во-первых, как живые организмы, так и общества, возникая посредством соединения незначительного числа частей, постепенно так увеличиваются в объеме, что некоторые из них достигают размера в десять тысяч раз более первоначального. Во-вторых, и те и другие развиваются по одному типу, переходя от простого к сложному. В-третьих, и в тех, и в других постепенно развивается, растет и крепнет взаимная зависимость частей, достигая такой степени, что жизнь и деятельность каждой части обуславливается жизнью и деятельностью остальных частей. В-четвертых, элементы организма, а также элементы общества рождаются, совершают свое развитие, действуют и умирают каждый сам по себе, между тем, как целое продолжает жить и переживать одно поколение элементов за другим. Эти пункты сходства представляются Спенсеру чрезвычайно важными, тогда как, наоборот, пункты различия не имеют, на его взгляд, серьезного решающего значения. Пунктов различия также четыре. Во-первых, организмы имеют определенные внешние конкретные формы, тогда как общества их лишены. Но это различие сглаживается, с точки зрения Спенсера, как неопределенностью некоторых низших животных, так и тем фактом, более общего характера, что внешние формы как организмов, так и обществ "зависят от окружающих условий". (Не лишнее будет заметить, что этот факт уж слишком общий, выходящий за пределы данного сравнения, так как внешняя форма и неорганических тел точно так же зависит от окружающих условий.) Во-вторых, живые элементы общества не образуют такой сплошной массы, какой является живая ткань организма.

Но это различие стирается и собственно не существует, потому что как организмы развиваются из неорганизованного вещества, в котором рассеяны организованные точки, так члены общественно-политического тела физически отделены друг от друга промежутками не пустого мертвого пространства, а занимаемого фауной и флорой, т. е. живыми элементами низшего разряда, а это низшая форма жизни должна быть включена в понятие социального организма, так как от нее зависит существование человечества. Далее, живые элементы организма большей частью неподвижны, в то время как элементы социального организма способны к передвижению. И это различие лишь поверхностное, - утверждает Спенсер. Ибо, как социологические единицы, выполняющие определенную функцию, люди, собственно говоря, также неподвижны.

Сельский хозяин, мануфактурист и т. д. прикреплены, по существу, к тому определенному месту, где они функционируют, а если отлучаются временно или навсегда, то находится заместитель. Так что, с точки зрения социальной, указанное различие совершенно исчезает. Ведь ясно, что все равно Петр или Иван выполняет данную определенную функцию, прикрепленную к данному определенному месту. Наиболее значительным является, как мы это видели в предыдущем очерке, четвертый пункт различия, гласящий, что "в теле животного только известный род тканей одарен чувствительностью, в обществе же все члены одарены ею". Но и этот пункт различия Спенсер старается сгладить, с одной стороны, тем, что в некоторых низших животных, не имеющих нервной системы, обладаемая ими чувствительность распределяется одинаково на все части, а с другой стороны, указанием на парламент, как на высшее чувствительное общественно-политическое тело. Несмотря, однако, на стремление смягчить и это различие, Спенсер считает его важным и значительным и, в конце концов, сам строит на нем свой буржуазный индивидуализм.

Означенные четыре пункта сходства общества с живым телом делают возможным для Спенсера установление законов общественно-исторического развития.

Подобно тому, как в области органической жизни, в жизни социально-политической, или, как Спенсер ее называет, надорганической, действуют законы дифференциации и интеграции. Общественно-историческое развитие совершало свой путь, переходя от простого и однородного к все более и более сложному и разнородному. Как первый, так и второй закон Спенсер устанавливает на основании огромного количества фактов, тщательно собранных из жизни всех эпох, народов и различных областей.

Большой этнологический материал свидетельствует о простоте, несложности и однородности жизни первобытных человеческих групп. Дифференциация и разветвление первоначального однородного состояния обуславливается преимущественно процессом разделения труда.

Рядом и в теснейшей зависимости от процесса дифференциации совершается противоположный процесс интеграции. В дифференцированном обществе мы видим постоянное суммирование определенных функций общественных групп, социальных и государственных функций, создание и развитие научных областей, имеющих своей основой объединение и группировку однородных предметов, развитие языка, которое сопровождается сокращением слов и т. д., и т. д. "История науки, - заявляет Спенсер, в "Основных началах", - представляет на каждом шагу факты, имеющие подобное же значение. Действительно, можно сказать, что интеграция групп одинаковых существ и одинаковых отношений составляет самую выдающуюся часть научного прогресса. Самый беглый взгляд на классифицирующие науки показывает нам, что смутные, бессвязные агрегации, которые возникают у необразованных людей относительно предметов природы, постепенно становятся все более и более полными и связанными, а в пределах групп соединяются в подгруппы". То же самое явление мы замечаем и в определении сходства и различий

взаимоотношений предметов между собой. Одним словом, процесс и совпадающий с ним, по мнению Спенсера, прогресс науки во всех областях совершался путем дифференциации и интеграции, при чем обе эти формы представляют собою, по-видимому, две стороны одного и того же процесса движения вперед. Приведем еще одну весьма интересную выдержку, характеризующую процесс интеграции в области промышленности и искусства: "Промышленные и эстетические искусства, - гласит ¹ 114 "Основных начал", - дают нам столь же доказательные примеры интеграции. Прогресс, проявившийся в замене грубых, незначительных по размеру и простых по конструкции орудий совершенными, весьма сложными и большими машинами, является прогрессом интеграции. В отделе так называемых механических двигателей переход от рычага к вороту является прогрессом в смысле перехода от простой действующей силы к сложной действующей силе, представляющей из себя совокупность нескольких простых сил. Сравнивая ворот или какую-нибудь иную из машин, употреблявшихся в древние времена, с современными машинами, мы видим, что в состав каждой из наших машин входят несколько первобытных машин. Современный прядильный или ткацкий станок, чулочная или кружевовязальная машина состоит не только из рычага, наклонной плоскости, винта и ворота, соединенных вместе, но из нескольких подобных машин, составляющих в совокупности одно целое. Вместе с тем, в древние времена, когда пользовались исключительно лишь лошадиной и человеческой силами, двигатель не был нераздельно соединен с инструментом, который он приводил в движение; в настоящее же время во многих случаях двигатель и машина слиты вместе. Топка и котел в локомотиве соединены с тем механизмом, который приводится в действие паром. Еще более экстенсивную интеграцию мы видим на любой фабрике. Здесь мы встречаем большое число сложных машин, все они соединены движущимися валами одной и той же паровой машины, так что все это вместе образует один огромный механизм".

Эти выдержки очень характерны в двояком отношении. В первой из них весьма интересным является строгий эмпиризм, согласно которому весь прогресс науки происходит на почве обобщения данных эмпирических фактов, их классификации и суммирования их взаимоотношений, образующих впоследствии то, что является законом. Во второй выдержке заслуживает особого внимания справедливый взгляд на прогресс техники, как на совершенствование и усложнение орудий производства: важно отметить так же и то значение, которое Спенсером придается развитию этого прогресса.

Итак, на основании обследования почти всех главных областей науки, искусства и социально-экономической жизни, Спенсер устанавливает вышеназванные законы дифференциации и интеграции.

Эти законы сводятся в последнем счете к принципам механики - устойчивого и неустойчивого равновесия. Однородное, - рассуждает Спенсер, - на основании всех собранных и указанных данных отличается своей неустойчивостью. Наоборот, разнородное в агрегате обладает максимальной устойчивостью. В общественной жизни наивысшая степень дифференциации и интеграции достигается в общественном классовом делении. Чем обширнее данные классы внутри общества, тем крепче их внутренняя связь и тем

сильнее социальная устойчивость всего агрегата.

"Общий закон, - говорит Спенсер, - обнаруживается не только в этих внешних соединениях одних групп с другими (под внешними соединениями Спенсер понимает объединение групп и областей, как следствие завоевания. А.). Он обнаруживается также и в тех объединениях, которые происходят внутри групп, по мере того, как эти группы приобретают более высокую организацию. Таких объединений существует два разряда, которые можно ясно различить один от другого, а именно разряд правящих классов и разряд рабочих классов".

Развитие капиталистического общества, которое, по мнению Спенсера, делится в общем и целом на правящие и рабочие классы, должно отличаться наибольшей степенью устойчивости, по той причине, что каждый из этих разрядов представляет собою сплоченный, крепко спаянный агрегат, объединенный широкими, насущными общими интересами.

Вот в общем все главные принципы и вся основная аргументация органической теории Спенсера.

Перейдем теперь к их критическому рассмотрению.

В предыдущем очерке были отмечены обычные ходячие возражения, встречающиеся в буржуазной социологической литературе. Сейчас остановимся на критике наиболее для нас интересной, так как она ведется с точки зрения критики буржуазной идеологии. Я имею в виду работу Михайловского, специально посвященную критическому анализу социологических воззрений нашего мыслителя.

В блестящем этюде "Что такое прогресс?" Михайловский ведет бурную войну против органической теории Спенсера. Михайловский ясно видит, что Спенсер является ярким выразителем и горячим защитником капиталистического буржуазного порядка, но, в качестве утопического социалиста-народника, он не в состоянии вскрыть, в чем сущность заблуждения и буржуазной односторонности автора органической социологии.

Несостоятельность социологических воззрений Спенсера заключается, с точки зрения Михайловского, в стремлении к научному объективизму. Спенсер рассматривает социально-историческое развитие под углом причины и следствия, не принимая в расчет нравственных оценок. По Спенсеру, историческая эволюция, совершая свой путь от однородного к разнородному, является в то же время и прогрессом.

Объективный ход вещей совпадает с субъективными стремлениями человечества, или, выражаясь философским языком, историческое бытие не составляет противоречия нравственному долженствованию. С точки зрения же Михайловского такого совпадения нет и утверждать такое совпадение может только защитник существующего порядка. В однородном, недифференцированном обществе личность, по мнению Михайловского, полнее, гармоничнее и, благодаря выполнению ею разнородных функций, она, в известном смысле, богаче и содержательнее. В дифференцированном обществе, т.-е. в обществе, основанном на принципе разделения труда, личность урезывается, беднеет, становится односторонней. Для подтверждения и образного пояснения своей основной мысли Михайловский цитирует знаменитые строки Шиллера: "Вечно

работая над каким-нибудь ничтожным отрывком из целого, человек и сам делается чем-то вроде отрывка; вечно слыша однозвучный шум только того колеса, которое вертит он сам, человек никогда не в состоянии развить гармонию в своем существе, и вместо того, чтобы запечатлеть человечество в своей натуре, он делается только отпечатком занятий своей наукой". Процесс дифференциации, отождествляемый Спенсером с прогрессом, способствовал выработке нецелостных личностей, явился неисчерпаемым источником патологических явлений в области индивидуальной и в сфере социальной.

Рядом и в зависимости от сужения личности разделение труда было причиной искажения истинно-научной мысли. Наука, по своему существенному содержанию, возникла под влиянием материальных причин и преследовала чисто утилитарные цели.

Но по мере того, как совершалась общественная дифференциация, научная мысль отрывалась от своего базиса, от практической жизни, становилась самоцелью и, развиваясь в качестве самоцели все дальше и дальше, породила противоположную ей метафизику. Пресловутая спенсеровская дифференциация, - рассуждает дальше Михайловский, - породила философский психологический дуализм. "Мы видим, - читаем мы в названном трактате, - что так или иначе практическое распадение труда на физический и умственный всегда и везде сопровождается и теоретическим распадением души и тела, т.-е. дуализмом". Продолжая эту мысль далее, Михайловский высказывает целый ряд дельных, тонко подмеченных моментов в историческом развитии, интересных и с точки зрения исторического материализма.

Тем не менее дело критики аналогического метода Спенсера ни на иоту не подвигается вперед. Ибо указания на отрицательные стороны исторического процесса на основании нравственной оценки, исходящей из социалистического идеала XIX ст., бьют мимо цели. Сам Михайловский часто чувствует и, как мыслящий философски писатель, не может не сознавать шаткости своей позиции. Сознавая ее, он спрашивает: "Но не значит ли это обругать вековую историю? Не дал ли нам именно этот процесс истории науку, искусство, промышленность? Конечно, дал. Но некоторая часть всего этого добыта простым сотрудничеством, а остальное куплено и покупается, может быть, слишком дорогою ценою. Будущий историк напишет приходно-расходную книгу цивилизации и сведет эти счета". Каким же методом должен будет руководствоваться будущий историк для того, чтобы осуществить означенную задачу? Ответ на этот вопрос гласит ясно и отчетливо. Историк, в отличие от естествоиспытателя, должен руководствоваться не законом причинности, но брать за исходную методологическую точку идею целесообразности. Другими словами, когда речь идет об установлении критерия прогресса, необходимо сделать пунктом отправления нравственный идеал, т.-е. общественную цель. Но, спрашивается дальше, какого содержания должен быть этот идеал и какая цель может послужить истинным критерием прогресса? Цель ли немецких юнкеров, французских роялистов, английской палаты лордов, или цели социалистов? Михайловский отвечает, конечно, в последнем смысле. И отвечая в этом именно смысле, знаменитый русский писатель, властитель дум своего поколения, определяет свой метод, как метод субъективный. Спрашивается

далее, есть ли возможность с точки зрения субъективного метода подвергнуть критике какие бы то ни было общественные стремления или идеалы? При беспристрастном отношении к вопросу должно быть ясно для всякого, что такой логической возможности нет. Перед лицом субъективного метода все социальные воззрения одинаково обоснованы, или, точнее, в одинаковой степени необоснованы. Спенсер мог с полным логическим правом, став на точку зрения Михайловского, заявить, что и он сделал своей исходной точкой идею цели или нравственную оценку современного капиталистического порядка и что, руководствуясь этой именно оценкой, он пришел к заключению, что ход развития от однородного к разнородному знаменует собою прогресс в мировой истории. Короче, субъективный метод не может быть признан, как метод исследования. Следуя положениям так называемого субъективного метода, Михайловский оказался совершенно бессильным перед Спенсером. Трактат "Что такое прогресс?", являясь во многих отношениях блестящим произведением и содержа отдельно взятые интересные мысли, представляет в общем сплошное и странное недоразумение. Спенсеру ставится, главным образом, в упрек его объективизм, его стремление рассматривать социально-исторические явления под углом причины и следствия, т.-е. строго научно, а с другой стороны, тому же Спенсеру вменяется в тяжкую вину его субъективизм, т.-е. его желание всеми силами и средствами доказать прогрессивный характер и устойчивость буржуазно-капиталистического порядка. В результате всех рассуждений Михайловского выходит, что Спенсер субъективен именно потому, что объективен, что, благодаря его буржуазному субъективизму, он строит невозможную по существу объективную теорию прогресса. Словом, в результате всей критики получается чистокровный nonsens, выражаясь по-русски - полная бессмыслица.

Михайловский, повторяем, часто сам чувствует безысходную беспомощность, но, с другой стороны, он смутно сознает ошибочность построения органической теории.

Тем не менее критика Михайловского представляет, как уже упомянуто выше, значительный интерес. Она интересна в том отношении, что четко обнаруживает полное бессилие утопического или субъективного социализма вести борьбу с буржуазной идеологией. В самом деле, Михайловский сделал своей исходной точкой критики социалистический идеал. Сущность социалистической общественной организации, - справедливо думает знаменитый критик Спенсера, - заключается в социальном равенстве его членов. С этой точки зрения, общественной агрегат должен явить собой нечто однородное. С другой стороны, в однородном социалистическом обществе личность, наоборот, станет разнороднее, богаче по своему внутреннему содержанию. Отсюда следовала формулировка прогресса, гласящая: "Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми". Из этой формулы прогресса вытекало для Михайловского, что однородный, хотя бы даже примитивный агрегат общественных групп на низшей ступени исторической лестницы стоял в известном смысле выше, нежели капиталистическое общество с присущим ему разделением труда,

дифференциацией, признаваемые Спенсером как явления исторического прогресса.

А отсюда же вытекало почти что сплошное осуждение исторического хода развития, сопровождавшегося разделением труда. Рассматривая русскую поземельную общину, как ячейку будущего социалистического общественного порядка, Михайловский и, прежде, его учитель П. Л. Лавров нашли философское, методологическое обоснование своим общественным стремлениям в философско-исторической телеологии Канта в нормативно-нравственных оценках. Со свойственным Михайловскому подъемом и гражданским красноречием он пишет: "Нас гонят нужды настоящего, нас душит страх за будущее, и мы все тщательнее и внимательнее ищем такого пункта, с которого было бы всего удобнее осмотреть всю расстилающуюся за нами историю, чтобы по ней определить наше будущее". Этим искомым пунктом явилось не объективное научное исследование, а формула прогресса, служившая критерием исторического развития. С ней, с этой формулой, фактически сравнивал Михайловский стадии исторического развития. Все то, что в какой бы ни было форме и степени соответствовало ей, то признавалось прогрессивным, все то, что, наоборот, не равнялось этой формуле, то подвергалось строгому осуждению. Поэтому Михайловский по существу дела руководствовался в критике Спенсера тем же аналогическим методом, что и Спенсер.

Разница в том, что Спенсер, на основании аналогии общества с животным телом, стал апологетом капиталистического общества, - Михайловский же, исходя из аналогии идеала будущего социалистического общества со всеми стадиями исторического развития и в частности с волновавшим его капиталистическим порядком, вынес последнему обвинительный вердикт. Но как вооруженный всеми областями познания тяжеловесный адвокат дьявола Спенсер, так и его блестящий обвинитель, - оба в одинаковой степени остались в стороне от существа дела, ибо обоим недоставало диалектического рассмотрения хода исторического развития.

Далее Михайловским, также и другими критиками, в том числе Гексли, ставилось Спенсеру на вид: во-первых, аморализм, якобы неизбежно присущий эволюционной теории, во-вторых, ее безнадежный фатализм. Как первый, так и второй упрек Спенсер отразил с полной основательностью. В своем сочинении: "Основания этики"

Спенсер, подобно Дарвину, рассматривает альтруизм, как необходимый продукт эволюции. В этом своем сочинении он приходит к такому результату: вместе с развитием высшей жизни наступит такое состояние, при котором между эгоизмом и альтруизмом настанет примирение, так что один сольется с другим". Это - вывод отнюдь не случайного характера, напротив, Спенсер старательно обосновывает его не только в "Основаниях этики", но и в "Социальной статике", вышедшей в свет в 1850 г., т.-е. еще тогда, когда по собственному признанию самого нашего автора его эволюционная теория еще не была выработана в ее универсальной, законченной форме. Об аморализме теории Спенсера в том виде, как она выявляется в его произведениях, а не в крайне индивидуалистических теориях его последователей, не может быть и речи. Наоборот, альтруизм утверждается и признается как совершенно

естественное следствие эволюции и как необходимый фактор в общественной жизни.

Перейдем теперь ко второму возражению. Критики учения об объективно-исторической закономерности утверждают, что признать объективную закономерность в социальной жизни значит прийти к пассивному фатализму. Это возражение делалось не только Спенсеру, но оно служило, и до сих пор служит, главным критическим оружием и против материалистического понимания истории. Этим оружием сражался Михайловский не только против Спенсера, но направил его впоследствии, главным образом, против русского марксизма. Это самое оружие было пущено в ход нашими легальными марксистами в период их критики и отступления.

Это пресловутое возражение было сформулировано в известной книге Штаммлера:

"Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung" (эта книга, кстати будь сказано, оказала огромное влияние как на немецкий ревизионизм, так и на наших легальных марксистов П. Струве, Бердяева, Булгакова), в которой Штаммлер утверждал, что главная отличительная черта исторического материализма заключается в том, что он отказывается от "неумолимой альтернативы остановиться исключительно или на казуально-понимающем познании, или на воле, ставящей себе цели". Постулируя естественно-необходимый ход социального развития, материалистическое понимание истории считает в то же время возможным его поощрять, ускорять, ему содействовать и т. д. Штаммлер усматривал в этом непреодолимое противоречие: "Раз, - говорит он, - научно познано, что известное событие необходимо произойдет совершенно определенным способом, бессмысленно еще желать содействовать именно этому определенному способу его наступления. Нельзя основать партию, которая хотела сознательно содействовать точно вычисленному лунному затмению". Это же самое мнимое противоречие ставилось на вид Спенсеру. Это возражение Спенсер отразил с полной основательностью и большим остроумием. А так как спенсеровское опровержение этого ходячего и часто повторяющегося софизма совпадает с нашими взглядами, то разрешите привести довольно обширную, но весьма содержательную выдержку из краткой заметки, посланной нашим мыслителем в 1893 году на происходивший в Чикаго конгресс эволюционистов. Эта заметка посвящена исключительно ответу противникам, утверждавшим, что учение о социальной эволюции исключает активную деятельность человека.

"Предполагается, - рассуждает там Спенсер, - что общество также развивается стихийно, независимо от всякой сознательной деятельности: из этого заключают, что соответственно эволюционной теории, индивидам нечего заботиться о прогрессе, так как он совершается сам по себе. Отсюда следует утверждение, что "эволюция, возведенная в высший закон человеческой морали и общественной жизни, превращается в парализующий и общественный фатализм. Но в этом-то и ошибка.

Всякий может убедиться в том, что в низших стадиях эволюции процесс совершается только благодаря тому, что различные участвующие в нем неделимые - в одних случаях молекулы материи, в других - отдельные особи

видов - соответственным образом проявляют свою природу. Было бы нелепо думать, что неограниченная эволюция могла бы совершаться, если бы молекулы перестали притягивать друг друга и вступать в соединение, но также нелепо было бы предполагать, что органическая эволюция могла бы продолжаться, если бы инстинкты и аппетиты индивидов исчезли окончательно, или хотя бы отчасти". Сравнение блестящее. Исключить из общественного хода развития активную деятельность людей - это все равно, что устранить из физических или органических процессов те или другие основные двигательные силы. И Спенсер продолжает: "Не менее нелепо думать, что социальная эволюция может совершаться независимо от нормальной физической и духовной деятельности индивидов, составляющих общество, независимо от их потребностей, чувств и вызванных ими действий. Конечно, верно, что в значительной степени социальная эволюция достигается помимо всякого намерения граждан достигать, и они даже не сознают, что они достигают ее. Вся промышленная организация, во всей ее удивительной многосложности, возникла благодаря тому, что каждый индивид преследовал свои собственные интересы, подлежащие известным ограничениям, налагаемым организованным государством". С содержанием этой как и предыдущей выдержки согласится последователь исторического материализма. Более того, рассуждения Спенсера до такой степени напоминают своим содержанием мысли Маркса и Энгельса о согласовании объективного и субъективного момента в истории, что легко предположить влияние последних на первого. И, конечно, такая возможность не исключается, так как автор органической теории внимательно следил за социальным движением своей эпохи. В связи с затронутым вопросом не могу дальше отказать себе в удовольствии привести еще одно великолепное сравнение, как будто нарочно приготовленное для отражения знаменитой аналогии Штаммлера между партией марксистов с партией, ставящей себе целью ускорение срока затмения луны. Все в той же вышеозначенной заметке Спенсер пишет: "Для пояснения предмета приведем еще одну аналогию. Все признают, что нам присущи известные потребности, обеспечивающие сохранение рода, что инстинкты, побуждающие к брачным, а впоследствии и родительским отношениям, служат гарантией того, что без всякого насилия или принуждения каждое поколение породит следующее новое поколение.

Теперь допустим, что кто-нибудь стал бы доказывать, что если продолжение рода обеспечено законом природы, то нет никакой нужды содействовать этому процессу путем вступления в брак. Что бы вы подумали о его логике, как бы вы отнеслись к его предположению, что следствие может наступить и при исчезновении причин?"

Поистине замечательная отповедь. Все, которые указывали Спенсеру, как и представителям исторического материализма, на противоречивый характер объективной социологии, руководствовались как раз той логикой, о которой говорит Спенсер в приведенной остроумной выдержке.

Преобладающая часть критики теории Спенсера нападала преимущественно на последовательный социологический объективизм. Но как раз эта сторона органической теории - самая сильная сторона, а потому Спенсеру не составляло особенного труда справиться со своими противниками. Указание

далее на то или иное несоответствие между животным телом и общественным целым также не имеет существенного значения. Во-первых, общество действительно представляет собой нечто крепко спаянное и неразрывное целое, связанное видимыми и невидимыми нитями, во-вторых, указание на то или иное несходство общества с животным телом не может служить серьезным возражением против широкого обобщения, охватывающего большое количество фактов. Короче, критика органической теории должна вестись в совершенно другой плоскости. Этой плоскостью является аналогический метод как таковой. Раскрытием шаткости и несостоятельности метода мы и займемся.

В предыдущей лекции было указано, что Спенсер, приступая к предмету социологии, ставит прежде всего вопрос: что такое общество? Вопрос естественный, законный, требующий ответа. Необходимо определить предмет исследования. Общество, справедливо полагает Спенсер, не есть простое механическое собрание индивидов.

Поясняя эту свою верную мысль, Спенсер пользуется метким примером. "Всякая цельная масса, - читаем мы в "Основаниях социологии", - разбившись на куски, перестает быть особым индивидуальным предметом; и наоборот, - камни, кирпичи, куски дерева и т. п., не имевшие вначале ничего общего между собой, будучи связаны друг с другом известным образом, становятся особым индивидуальным предметом, называемым домом". Совершенно справедливо. Общество может, следовательно, стать предметом и предметом научного исследования лишь при том необходимом условии, когда "куски", из которых оно состоит, т.-е. личности, входящие в его состав, связаны подобно дому каким-то общим началом. Ясно, стало быть, с самой постановки проблемы социологии, что прежде всего должно быть найдено и определено это именно связующее начало. Но Спенсер, правильно поставив вопрос, затушевывает его и поворачивает на другой путь.

Общество, не являясь конкретным воспринимаемым предметом, не может, по мнению нашего автора, стать само по себе, как таковое, предметом исследования. Но, с другой стороны, в общественно-исторической жизни наблюдается постоянство взаимоотношений, делающее возможным научный анализ общественных явлений. Отсюда выводится заключение, что необходимо найти такой конкретный предмет, взаимоотношения частей которого сходились бы с взаимоотношениями частей в общественном коллективе. Ибо, "единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей" (подчеркнуто Спенсером). Это "что-либо другое" оказалось животное тело. Принципами же, "управляющими расположениями частей" как в животном теле, так и в общественном коллективе, являются принципы дифференциации и интеграции, то-есть процесс развития от простого к сложному и затем интеграция, суммирование дифференцированных областей свойственны как животному телу, так и общественному коллективу. Эти два принципа в свою очередь сводятся далее к "управляющим принципам": к устойчивому и неустойчивому равновесию. Однородное отличается неустойчивым равновесием, наоборот, интегрированные части в дифференцированном агрегате отличаются наибольшей степенью устойчивости.

Так, все это построение и проведенная параллель "принципов, управляющих расположением составных частей", кажется и убедительным, и вполне логичным до тех пор, пока забываешь вместе со Спенсером, что общество, как предмет исследования, все же отсутствует. В социальном агрегате происходит дифференциация и интеграция точь-в-точь, как в животном организме. Спрашивается, под каким влиянием происходят эти процессы, чем они обуславливаются в общественном развитии? Для того, чтобы в первобытной группе человеческих индивидуумов начался процесс дифференциации, должна существовать какая-то связь между этими индивидуальностями, другими словами, должен быть элемент, которым определяются взаимоотношения индивидуумов, но о таком связующем начале и помину нет. Когда Спенсер развертывает процесс эволюции в неорганическом и органическом мире, он, подобно всем позитивистам, оставляет в стороне свою позитивистскую гносеологию и становится на материалистическую почву. Материя и движение являются в конечном итоге основными началами всего доступного нашему пониманию мирового процесса, т.-е. всей эволюции, поскольку мы в состоянии ее познать.

Материей и движением обуславливается конкретный характер как предметов восприятий, так и их взаимоотношений. Общее мировоззрение Спенсера, его учение о непознаваемом, составляющем предмет метафизики и религии, его утверждение относительно абсолютных границ нашего познания остается совершенно в стороне, когда дело идет о научном исследовании в области естествознания. Рассматривая учение Спенсера с чисто философской точки зрения, его нельзя ни в коем случае причислить к материалистическим учениям. Наоборот, в общем Спенсер дуалист и стоит на точке зрения двойственной истины в духе философии Канта и преобладающего большинства кантианцев.

Непознаваемое, подобно кантовой вещи в себе, может быть лишь объектом веры. Оно является бесконечной таинственной силой, лежащей в основе всего мирового целого, составляя главное начало как материальных, так и духовных явлений. Не будучи познаваемо нашим разумом, оно, это начало, дается или раскрывается нашему чувству. Мы непосредственно ощущаем, что за пределами познаваемого мира явлений существует мир сущего, являющийся причиной всей мировой действительности. С этой общей философской точки зрения, материя и движение вовсе не являются коренными основами космической эволюции.

Но как всегда и во всех дуалистических философских учениях, так в философии Спенсера между религией и его главным предметом непознаваемым и наукой устанавливается благополучный компромисс. Религия должна отказаться от претензии сделать понятным разуму высшее начало, так как все определения, доступные нашему пониманию, заимствованы из нашего мира явлений и, следовательно, бессильны уяснить общее начало. Наука же в свою очередь, понимая непознаваемость абсолютного, должна тем не менее признавать факт его существования, как абсолютную первопричину всего сущего. А далее, - далее наука идет своим путем.

Хотя в высшем метафизическом смысле, т.-е., согласно требованиям

религии, понятие о материи исполнено противоречий, но с точки зрения требований науки она представляет собой необходимую предпосылку. И идя путем своих предшественников и учителей, английских эмпириков, главным образом Юма и Милля, Спенсер мирно, без всяких драматических потрясений расстается с непознаваемым абсолютом, забывая об антиномическом характере понятия материи и становится со спокойной и чистой совестью на твердую почву материализма; так обстоит дело, когда он занимается объяснением и описанием эволюции в области природы. Но философская мысль и метод исследования принимают совершенно другой оборот, когда вопрос идет о социальном коллективе. Тут, в социологии, мыслитель остается на почве позитивизма. И оставаясь на этой почве, он совершенно лишен возможности найти какой-либо общий, единый фундамент общественно-исторической действительности. С другой же стороны, Спенсер - крупный мыслитель и серьезный ученый, а потому ясно понимает и отчетливо сознает, что социология только может стать наукой, когда будут открыты вновь принципы, "управляющие" социальными явлениями. Из этого по существу дела безвыходного положения опять выручил компромисс. Таким компромиссом оказался аналогический метод. Законы эволюции были перенесены из области биологии на социологию самым произвольным образом. Так называемые Спенсером законы дифференциации и интеграции представляют собой не что иное, как простое описание процессов без всякой попытки объяснения их причин. На основании самого по себе взятого факта распада и усложнения первобытных общественных групп, делается совершенно произвольный, ничем не обоснованный вывод, что вообще всякое социально однородное общество лишено устойчивости и должно обязательно вступить на путь дифференциации. Несостоятельность этого вывода очевидна. Ибо, для того, чтобы факт дифференциации всех или большинства первобытных обществ был возведен в закон, необходимо было обнаружить общественные причины, вызвавшие дифференциацию, а затем, на основании этих причин, показать неустойчивость всякого однородного общественного агрегата, какого содержания он бы ни был; иными словами, необходимо было обнаружить, что однородность, при всех мыслимых условиях или, что одно и то же в учении Спенсера, социальное равенство вообще скрывает в себе такое основное начало, которое ведет с неумолимой необходимостью к распадению и дифференциации. Но от такого научного обоснования так называемого закона дифференциации нет и следа. То же самое относится к утверждению другого так называемого закона об устойчивом состоянии дифференцированного общества, в котором другой процесс, процесс интеграции, достигает высокой степени своего развития, короче, - к закону об устойчивом состоянии капиталистического общества. Как в первом, так и во втором случае мы видим простое описание фактов, где на место закона выступает аналогия общественного коллектива с животным телом.

По-видимому, совершенно бессознательно вводятся Спенсером определения из механики устойчивого и неустойчивого равновесия, которые в применении к общественным явлениям лишены всякого смысла и не имеют ни малейшего положительного значения.

В области механики законы устойчивого и неустойчивого равновесия вытекают, как это и подобает истинному закону, из самой сущности вещей, который и определяется данный закон. Всякий знает, кто бессознательно, из прямого непосредственного опыта, а кто на основании опыта обобщенного, т.-е. из элементарной механики, что под устойчивым равновесием следует понимать стремление тела, слегка выведенного из равновесия, снова вернуться в прежнее состояние. Наоборот, неустойчивым равновесием мы называем положение тела, выведенного из состояния равновесия и удаляющегося все более от прежнего своего положения. Знание положений устойчивого и неустойчивого равновесия, вытекающее, повторяем, из сущности тел и их взаимоотношений, делает возможным обратное действие на тела, согласно нашей определенной цели, т.-е. дает возможность в зависимости от нашего желания привести тела в устойчивое и неустойчивое равновесие. Но какое, спрашивается, значение имеют и могут иметь эти принципы механики в применении к общественным явлениям, отличающимся по существу от физических тел, и их взаимоотношения?

Кроме образной иллюстрации решительно никакого. Наоборот, когда эти принципы механики провозглашаются в качестве законов общественных явлений, они теряют характер поясняющей иллюстрации, а лишь затемняют сложную и своеобразную совершенно отличную от механики природы сущность общественно-исторического движения. Если кто-нибудь из вас станет на каком-нибудь собрании совершенно справедливо утверждать, что современная Европа вышла из состояния устойчивого равновесия и к этой общей, абстрактной характеристике больше ничего не прибавит, то это утверждение останется образным выражением и не больше. Интересующийся, внимательный слушатель пришлет вам записку с вопросом, почему Европа находится в положении неустойчивого равновесия, какими силами определялось ее прежнее состояние, и какие силы, какие факты и какие явления вывели ее из прежнего, более устойчивого состояния? А если слушатель захочет быть едким - а это бывает, - то он к тому же заметит, что западная Европа не конус, который сохраняет устойчивое равновесие, когда стоит на своем основании, и приходит в состояние неустойчивого равновесия, когда поставлен на острие. Это значит, что законы из области естествознания, в частности законы механики, перенесенные на область общественных явлений, совершенно бессильны что бы то ни было объяснить. А раз нельзя при помощи этих законов объяснить общественные явления, то этим самым исключается всякая возможность обратного, сознательного воздействия на общественно-исторический ход вещей. Социология же, как совершенно справедливо рассуждает Спенсер, ставит определенные практические задачи. Ее задача, как и всякой отрасли науки, - это возможность руководствоваться в социальной практической жизни определенными законами. А для осуществления этой цели законы должны быть выведены на основании тех явлений, на которые данные законы должны оказать свое обратное действие.

Понятия - дифференциация, интеграция и сведение этих понятий к устойчивому равновесию есть не более как результат чистого описания определенных групп общественных явлений, названных терминами из математики

и механики. Сказать, что общество первобытных групп перешло от однородного состояния к разнородному, это решительно все равно, что сказать, что оно дифференцировалась или что оно оказалось неустойчивым. Все три понятия однозначны и ни одно из них не объясняет причины распада однородного. То же самое относится и к другому утверждению Спенсера, будто капиталистическое общество, где восторжествовали законы дифференциации и интеграции, отличается наибольшей степенью устойчивости. И в данном случае Спенсер остается все на той же почве чистого описания, ибо аналогия с животным телом, конечно, и в этом обороте не есть закон развития капиталистического общества.

Итак, в своей органической теории общества Спенсер никаких общественных законов не открывает и он не может их открыть при общей постановке проблемы. Для того, чтобы открыть законы, управляющие общественной жизнью, должен быть дан ответ на поставленный Спенсером вопрос: "Что такое общество?". Что объединяет и связывает человеческие индивиды в коллективное целое и что, какими элементами обуславливаются различные общественные группировки, другими словами, что служит материей общества? Без ответа на эти вопросы вообще не мыслима социология как предмет науки, ее просто не существует. На эти вопросы у Спенсера ответа нет, а потому нельзя считать органическую теорию общества социологией.

Когда силой логического развития темы Спенсеру навязывается необходимость определить цемент общества, тогда он оставляет свою аналогию с животным телом и становится на эклектическую точку зрения. Человеческое общество оказывается тогда связанным и спаянным языком, религией, обычаями, нравами, искусством, политическими учреждениями и т. д. При данном обороте мысли, Спенсер, ясное дело, оставляет в стороне свой аналогический метод, ибо при всей тщательности исследования животного тела нельзя утверждать, что животное тело связывает язык, религия, искусство, экономика и т. д. Спенсер чувствует неудовлетворительность эклектической точки зрения и, чувствуя это, переходит обратно к своей аналогии, воображая подчас, что сравнение общества с организмом ведет к монизму, т.-е. к общему, объединяющему началу как природы, так и истории.

Заканчивая критику основ аналогического метода, считаю необходимым, во-первых, отметить и указать еще на некоторые положительные элементы в социологических взглядах нашего мыслителя, во-вторых, подвести некоторый общий итог.

Одним из главных положительных основ в учении Спенсера является его стремление к объективному методу в области социологии.

В своем очень интересном на мой взгляд сочинении "Социология как предмет изучения", которому, кстати сказать, дается совершенно неправильная оценка проф. Кареевым, наш мыслитель старается доказать и с большим успехом доказывает, что социология должна и может стать положительной наукой.

Поистине убедительными и блестящими являются те страницы этого сочинения, на которых автор объясняет причины культа деяний отдельных личностей, заслонивших действительные причины социально-исторического

процесса. Господствовавшее и до сих пор далеко не умершее убеждение, что история человечества есть в сущности история великих людей, действовавших в ней, Спенсер объясняет всем ходом нашего уродливого развития.

Начало этого ошибочного понятия мыслитель видит в воззрениях дикарей. Вот как рисует Спенсер начало этого заблуждения. "Собравшись вокруг своего лагеря, дикари пересказывают друг другу свои охотничьи приключения последнего дня, и тот из них, кто выказал особенную ловкость или искусство, получает заслуженные похвалы. По окончании войны, проницательность вождя и сила или храбрость того или другого из воинов составляют самые интересные темы разговора. Когда окончившийся день или близкое прошлое не представляют никаких замечательных происшествий, то предметом рассказов становятся подвиги какого-нибудь знаменитого вождя, недавно умершего, или известного по преданиям родоначальника племени; иногда эти рассказы сопровождаются пляской, драматически изображающей те победы, о которых поется в песне. Подобные рассказы, касаясь благосостояния племени и самого существования его, возбуждают живейший интерес, и в них-то мы находим общий корень музыки, драмы, поэзии, биографии, истории и вообще литературы". Идя дальше от культа личности, Спенсер касается рассказов библии, греческой мифологии, воспитывающих и внушающих ложный индивидуалистический взгляд на историю человечества, и заключает: "Самое достоинство знания оценивается таким образом, - что ошибка в перечислении любовных походов Зевса считается постыдной, незнание имен предводителей в Марафонской битве непохвальным, а не знать социальных условий времени до Ликурга или происхождение и обязанности ареопага считается извинительным". Взгляд на всеобщую историю, как результат деятельности выдающихся личностей, свидетельствует о наивности и примитивности обладателя такого взгляда на этот важный предмет.

Далее чрезвычайно интересна аргументация Спенсера в защиту необходимости социологии как утилитарной практической отрасли науки, в существовании которой должна быть заинтересована каждая социальная единица, каждый член общества.

Отвергать возможность социальных законов, значит, по справедливому мнению Спенсера, закрывать глаза на действительность. Ибо в действительной жизни всякий фактически руководствуется теми или другими правилами, полученными на основании социального опыта. "Всякий, - говорит Спенсер в упомянутом сочинении, - кто выражает политические мнения, кто говорит, что та или другая общественная мера будет благодетельна или вредна, тот невольно признает этим самым социальную науку, потому что из его слов следует, что между социальными действиями существует естественная последовательность, и так как эта последовательность естественна, то результаты возможно предвидеть". Читатель-марксист поймет без всяких пояснений, почему мы остановились с особенным вниманием на этих взглядах Спенсера и почему сочли полезным привести здесь соответствующие выдержки.

Читателю же не-марксисту скажем, что цитированные строки совершенно совпадают с теми взглядами представителей марксизма, против которых с наибольшей свирепостью обрушивалась критика, исходившая из лагеря

мелко-буржуазной и вообще буржуазной идеологии.

В общем и целом Спенсер является ярким представителем и упорным защитником английской национальной буржуазии. Его органическая теория продиктована ходом социально-исторического развития английского капитализма.

В странах раннего капиталистического развития социальное движение совершалось путем наибольших компромиссов. Англия представляет собою классический пример такого именно типа развития как в социальном, так и соответственно в политическом отношении. А потому с изумительной яркостью отразился этот компромисс в идеологии всех, почти без всякого исключения, английских мыслителей, которые, кстати сказать, в противоположность мыслителям других стран, всегда стояли близко к практической жизни. Спенсер же, как мыслитель консервативного периода буржуазии, возвел капиталистический порядок на степень устойчивого равновесия, что в сущности также является продолжением идеи естественного права, которая признавалась предшественниками автора органической теории.

Весьма замечательна в изложении учения об эволюции характеристика момента перехода количества в качество. Везде, там, где речь идет о таком переходе, т.-е. скачке, Спенсер определяет этот последний словами "чуть, чуть", "едва заметно" и тому подобными робкими выражениями, характеризующими ползучий эмпиризм.

Если на учение о диалектике Фихте и Гегеля оказала несомненное влияние Великая Французская революция, бурные и грандиозные события которой их увлекали, то учение об эволюции Спенсера является отчетливым отражением исторического развития Англии, не знавшей таких потрясающих драматических катастроф (это, конечно, не значит, что история Англии совершала путь своего развития не по законам диалектики).

В заключение еще два слова: читатель-марксист, без сомнения, поставит нам в упрек, почему мы не подвергли критике понятие эволюции в теории Спенсера с точки зрения диалектики. Изложение принципов диалектического метода впереди, и тогда же будет подвергнуто критическому разбору понятие эволюции. На все свое время и свое место.